Гендер: история и современность

ЭМАНСИПАЦИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ПОЛА

Л.М. БОГАТОВА

Культура второй половины XX века войдет в анналы истории под прочно закрепившимся обозначением – постмодерн[1]. Исторические коллизии, произошедшие с европейской культурой в последние десятилетия прошлого столетия, были столь глубоки и значительны, что позволили крупнейшим интеллектуалам поставить проблему о принципиально новом, постмодернистком состоянии современной культуры, которое является следствием затяжного кризиса, названного М. Хайдеггером «онтологическим нигилизмом».

Первые симптомы кардинального изменения европейской культурной ситуации проявились уже к концу XIX в., в период расцвета так называемого декаданса, ознаменовавшего собой разрушение сложившейся в ходе исторического развития системы традиционных мировоззренческих ценностей и укоренившихся жизненных устоев классического буржуазного общества. Пафос ниспровержения «устаревших» моральных норм, религиозных представлений и эстетических пристрастий уходящего века не без сарказма и издевки выразил Ф. Ницше, провозгласивший в своем известном афоризме: «Бог умер». Развернувшийся на рубеже веков грандиозный по размаху демонтаж фундаментальных духовных ценностей европейской культуры продолжает стремительно втягивать западный мир в процесс, образно и метко обозначенный в свое время О. Шпенглером как «закат Европы».

Перерождение европейской культуры в качественно новое цивилизационное состояние, обозначаемое как «постклассическое», «неосовременное», «постиндустриальное» «постмодернисткое», предопределило генеральную стратегию теоретического исследования культурологических про-

блем. Поиск наиболее значимых и существенных причин, обусловливающих крушение самих основ сложившейся архитектуры западного мира, который на рубеже веков оказался втянутым в водоворот «всемирного потопа нигилизма» (Ф. Ницще), и выявление широчайшего спектра последствий, набирающих темп и динамику деструктивных процессов, стали одними из самых обсуждаемых тем в философском творчестве многих известных исследователей. Обстоятельный разговор о настоящем и будущем европейской культуры, о ее дальнейшем присутствии в контексте всемирной истории, начатый первой когортой исследователей – Ф. Ницше, Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, М. Вебером, и др., идеи и выводы которых в свое время вызвали сильнейший резонанс в общественном сознании, продолжили интеллектуалы второй половины XX века.

С разных, порой взаимоисключающих мировоззренческих и теоретико-методологических позиций, представители различных философских направлений, прежде всего, позитивизма и экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс), в разнообразных теоретических синтезах – психоанализа с марксизмом (Э. Фромм), неофрейдизма с социологией (Г. Маркузе), развернули панорамный анализ глубочайших коллизий и метаморфоз, происходящих как с культурой в целом, так и с ее основным субъектом – человеком. Большим своеобразием и оригинальностью, доходящим порой до интеллектуальной экстравагантности, выделяется подход к исследованию культуры французских постмодернистов: Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Лакана, Ж. Делеза, Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, которые, при всех своих внутренних разногласиях, убеждены, что фрагментарность современного мира, развернувшаяся «деконструкция» его культурно-исторических дискурсов, «ризомность» культуры, порождающая неопределенность и неустойчивость бытия человека, создает принципиально новую концепцию личности, характерную исключительно для состояния постмодерна.

Значительно обогатили изучение постмодернисткого фазиса западной культуры исследования представительниц интеллектуального феминизма: Симоны де Бовуар, Кейт

Миллит, Суламифь Фаейерстоун, Люси Ирригарэй, Юлии Кристевой, Эмми Фи, Мэри Дали, Хелен Киксус, Белл Хукс, Джудит Батлер и др., сосредоточивших внимание на анализе процессов эмансипации и феминизации, кардинально изменивших положение и роль женщины в современном обществе, которое, по мнению феминисток, до сих пор представляет собой репрессивную патриархальную структуру. В рамках феминистких теорий, на смену отвлеченным схемам человека «вообще», без пола и возраста, превращающих живую личность в теоретические модели в виде «среднего человека» (К. Леонтьев), «человека-массы» (Ортега-и-Гассет), «человека бунтующего» (А. Камю), «человека потребляющего» (В. Зомбарт), «человека имеющего» (Э. Фромм), «одномерного человека» (Г. Маркузе), «человека желающего» (З. Фрейд) и т.д., за которыми, в конечном счете, скрывается доминирование в культуре маскулинного начала, в качестве основного фигуранта культуры впервые выступила *женщина*. С позиций интеллектуального феминизма противостояние между мужчиной и женщиной рассматривается не столько как отражение природной реальности, где каждая из сторон противоречивого двуединства равноценна и равнозначна, сколько в социокультурном контексте. По оценке феминисток *мужчина* и *женщина* – это «культурные метафоры» или «концепты, сконструированные культурой». Феминистки первыми пришли к осознанию, что быть «мужчиной» или «женщиной» – значит, выполнять те или иные стереотипные социокультурные, гендерные роли. Именно с феминистскими исследованиями связывают вхождение в научный обиход понятия «гендер», активное использование которого с конца 70-х прошлого века в качестве аналитического инструмента открыло новые возможности в изучении проблем общества и культуры.

Сильнейшее влияние, которое оказывают гендерные отношения на преобразование облика современной культуры, во многом объясняет активизацию исследований в области гендерной проблематики, средоточием которой, в первую очередь, является феминный фактор. В силу определенных исторических обстоятельств роль женщин возросла настолько, что дает весомые основания рассматривать

постмодерн в качестве этапа, предваряющего наступление качественно нового периода всемирной истории – эпохи «неоматриархата». Все отчетливее проявляются признаки социокультурной реабилитации женщин, время их исторического реванша за поражение в глубокой древности явно приближается.

Выход женщины на авансцену истории был ознаменован буржуазными революциями, прокатившимися по Европе в XVII – XVIII вв. Итогом ожесточенных классовых противостояний стало утверждение капиталистических экономических отношений, основанных на массовом промышленном производстве, которое требовало непрерывного притока дешевой рабочей силы. Первым эшелоном, пополнившим бесчисленную армию работников наемного труда, стали женщины и дети. Включение женщины в мануфактурно-фабричное производство коренным образом изменило ее положение и роль в обществе, несоизмеримо повысило социальный статус. Время, когда «имя честной женщины было запертым в стенах ее дома», навсегда уходило в прошлое. Но, вырвавшись из «домашнего рабства» и избавившись от опеки отца и гнета мужа, женщина оказалась в «экономическом рабстве», попала в капкан беспощадной эксплуатации со стороны работодателя. Крайне бедственное и бесправное положение вынудили пролетаризированные слои женщин активно включиться наряду с мужчинами в классовую борьбу. Однако, по мере того, как ширился размах революционного рабочего движения, и укреплялось, говоря словами К. Маркса, «классовое самосознание» женщин, в выражении протеста все более отчетливо стали звучать феминисткие мотивы, определившие со временем общую стратегию процесса эмансипации. В ходе обострения классовых противостояний, наряду с требованиями материально-экономического и социально-политического характера, женщины все решительнее стали заявлять о своем стремлении к полному равноправию с мужчинами. Первыми открыто объявили о равенстве мужчин и женщин суфражистки[2], которые провозгласили свои претензии на отстаивание прав и свобод, в составленной в 1792 г. Олимпией де Гуж «Декларации прав женщины и гражданки», ставшей подлинным манифестом

женского освободительного движения. С этого момента ведет отсчет история массового женского движения, которое с течением времени разрастется и проявится с разной степенью интенсивности в разнообразных формах от умеренных, либерально-демократических до радикальных, революционно-социалистических направлений.

Не вникая в подробности ретроспективного обзора этапов развертывания процесса эмансипации, отметим, что исторические итоги борьбы женщин за свои права трудно переоценить. Они настолько глубоки и кардинальны, что коренным образом изменили исторически сложившееся гендерное «равновесие», характерное для культур с патриархальной ориентацией. В напряженной и упорной борьбе против социального неравенства и несправедливости, активно протестуя в классовых баталиях против различных форм дискриминации и угнетения, женщины добились грандиозных успехов. Уникальность современной социокультурной ситуации состоит в том, что никогда в прошлом женщины не обладали такой широтой прав и свобод, какой располагают на сегодняшний день. В настоящее время в западном мире женщина абсолютно равноправна с мужчиной как в гражданском, юридическом, так и в материально-экономическом и социально-политическом отношениях. Она имеет возможность получать образование, добиваться успехов в карьерном росте, проявлять себя в художественном творчестве, науке, искусстве и т.д. Спектр социальных ролей современной женщины значительно расширился – помимо традиционных для патриархальной культуры обязанностей быть «матерью» и «супругой», женщина наравне с мужчиной включена во все без исключения сферы материального и духовного производства, реализует свою социальную активность в профессиональной деятельности, достигает высоких позиций в бизнесе, входит в высшие эшелоны мировой политики и т.д. На сегодняшний момент женщина, наконец-то, не только de-jure, но и de-facto стала полноправным субъектом культуры[3].

Однако, наряду с произошедшими за последнее столетие позитивными, лежащими на поверхности, сдвигами, которые привели к существенному выравниванию в поло-

жении полов, процесс эмансипации имеет и теневую, скрытую, оборотную сторону. Высвобождение женщины из-под гнета социальной зависимости – поэтапный и разнонаправленный процесс, который разворачивался крайне неравномерно, с различным напряжением проникая во все «поры» социального организма, постепенно охватывая всю систему общественных отношений от материально-производственных до семейно-брачных. Иными словами, эмансипация – это объемный, многомерный процесс, который целесообразно анализировать в нескольких взаимосвязанных и взаимодополняющих аспектах: социально-экономическом, социально-политическом, культурно-историческом и др.[4] Разнонаправленное изучение социального контекста проблем, связанных с эмансипацией, нашло достойное воплощение в огромном потоке публикаций как зарубежных, так и отечественных авторов, основной тон среди которых задают представители интеллектуального феминизма. Но, несмотря на интенсивную и плодотворную аналитическую разработку наиболее актуальных проблем, связанных с социальным освобождением женщин, некоторые, далеко не второстепенные по значимости, теоретические ракурсы в изучении эмансипации в качестве особого феномена, все еще остаются в тени и до настоящего времени не получили со стороны исследователей предметного философского осмысления. При этом необходимо подчеркнуть, что ограничивать изучение процесса эмансипации исключительно рамками исторического или социокультурного контекста совершенно недопустимо, поскольку неизбежно ведет к резкому сужению теоретической панорамы проблемы и обедняет многослойность ее содержания. Напротив, стоит обратить самое пристальное внимание на то принципиальное обстоятельство, что глубинные, *сущностные* причины эмансипации располагаются не только в плоскости общественных отношений материально-производственного, социально-политического, национально-этнического, религиозного и прочего характера, но и скрыты в самих основаниях бытия, имеющего противоречивую, биполярную природу, одним из проявлений которой, в частности, выступает различие между полами.

«Мужчина» и «женщина» как самостоятельные инстанции онтологического порядка, находясь между собой в неразрывной взаимосвязи в качестве противоположных сторон противоречивого двуединства, не только взаимополагают, взаимодополняют и взаимопроникают, но и *взаимоотрицают* друг друга. Противостояние между мужчиной и женщиной как двумя взаимоисключающими началами является имманентным свойством бытия, его неотъемлемой атрибутивной характеристикой. В реалиях конкретно-исторической практики разрешение конфликтного противоборства между полами, снятие социального напряжения в системе взаимоотношений между ними, приобретало разнообразные формы. Одной из них стала эмансипация. Следуя логике классической диалектической методологии, можно предположить, что в рамках феноменологического подхода явно недостаточно ограничивать рассмотрение социального раскрепощения женщины исключительно в качестве значительного и масштабного культурно-исторического явления. В целях раскрытия природы и постижения сущности феномена эмансипации его необходимо исследовать как явление *онтологического порядка*, уходящего в своих истоках в глубинные «пласты» бытия. Более того, рассмотрение эмансипации в онтологическом разрезе представляется одним из продуктивных и перспективных направлений исследования, поскольку, с одной стороны, позволяет значительно расширить спектр причин, обусловливающих кардинальное изменение баланса гендерных сил в ситуации постмодерна, а, с другой, дает возможность выявить наиболее существенные следствия, которые столь радикальны, масштабны и, в определенном отношении, неожиданны, что могут быть подведены под понятие «футурошок», прочно закрепившееся в научном лексиконе после выхода в свет работы О. Тоффлера «Шок перед будущим» и наиболее точно передающее состояние крайней растерянности перед грядущими переменами.

В этом отношении определенный интерес представляет позиция тех исследователей, которые полагают, что социальное неравенство между мужчиной и женщиной в культурах патриархального типа имеет более глубокие, метафизические корни, уходящие в самою природу пола, в его рас-

сеченность на две, «невозможные друг без друга», субстанции. В философской антропологии сложилась солидная традиция, восходящая в истоках к ранним формам религиозно-мифологического сознания, согласно которой неравное с мужчиной положение женщины является лишь внешним проявлением глубоко сокрытого, универсального онтологического противоречия, связанного с исходной раздвоенностью бытия на «мужское» и «женское» начало. С точки зрения онтологии, мужчина и женщина как противоположные, взаимоотрицающие формы человеческой бытийности, изначально неравнозначны между собой. С позиций онтологической разобщенности пола на две полярные, качественно различные составляющие, «природно-родовая стихия пола есть стихия *женственная*»[5]. Так, рассуждая на тему «вселенско-космической» различенности мужчины и женщины, Н.А. Бердяев прямо указывал: «Женщина – существо совсем иного порядка, чем мужчина... В миропорядке мужчина есть по преимуществу антропологическое, человеческое начало, женщина – начало природное, космическое. Женщина гораздо менее человек, гораздо *более природа*. Она по преимуществу – носительница половой стихии. В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина вся пол, ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком... В мужчине пол гораздо более дифференцирован. Женщина по природе своей всегда живет одним, не вмещает в себе многого. Женщина плохо понимает эту способность мужчины вмещать в себе полноту бытия. ...Мужчина не склонен отдаваться исключительно и безраздельно радости любви или страсти, у него всегда есть еще его творчество, его дело, вся полнота его сил... Женщина отдается исключительно и безраздельно радости любви или страданию от несчастья, она растворяется в этом одном»[6].

Восприятие женщины как носительницы «космической, мировой половой стихии», у которой «нет ничего не сексуального, она сексуальна и в своей силе и в своей слабости, сексуальна даже в слабости сексуального стремления»[7] во многом объясняет стремление женщины к «*свободе* соединения с мужчиной», в котором для женщины заключается высшая цель и смысл ее бытия. Длительное на-

копление чувственно-эротической энергетики женского пола, многовековое собирание нерастраченных сил, при первой же возможности вылились в грандиозный по размаху процесс эмансипации, отразивший страстное желание женщины присутствовать в истории наравне с мужчиной, быть во всем равной с ним – в желаниях, чувствах, деяниях. Колоссальная концентрация неуемной «природно-родовой» энергетики женского пола, которая на всем протяжении развития культуры оставалась невостребованной, долгое время была зажата и ограничена жесткими рамками патриархальных императивов, вырвалась наружу с такой силой и так мощно заявила о себе, что первые радикально настроенные идеологи феминизма с пафосом провозглашавшие, что «степень свободы в обществе определяется положением женщины» (Ш. Фурье), и не предполагали к каким непредсказуемым последствиям может привести «благое дело эмансипации». Образно говоря, эмансипация выпустила на волю «джина» такой разрушающей силы, что теперь культура не в состоянии с ним справиться[8].

При всех бесспорных позитивных завоеваниях массового женского движения за освобождение из-под гнета социальной зависимости, которое к концу XIX в. стало неотъемлемой частью революционной борьбы рабочего класса, в онтологическом разрезе эмансипация представляет собой скорее деструктивный, разрушающий целостность пола, процесс. Обусловленная подчиненным, зависимым положением женщины в системе отношений патриархального общества, выражая ее стремления и чаяния к полному равноправию с мужчиной, эмансипация не столько выравнивает и сглаживает, сколько обостряет и усугубляет кризисное состояние гендерных, полоролевых отношений. Неудовлетворенность женщины приниженным и подчиненным положением со временем стала принимать демонстративные формы протеста, которые направлялись не только против «угнетателя-работодателя», но и против «мужчины». Процесс эмансипации лишь во внешнем проявлении нацелен против социального неравенства между женщиной и мужчиной. В сущностных предпосылках эмансипация отражает онтологическое противостояние двух стихий пола –

мужской и женской. Будучи объективно неизбежной для патриархальных культур, основанных на доминировании мужского начала и репрессивном подавлении женского, эмансипация в силу определенных причин, заданных конкретно-историческими обстоятельствами, насаждает мнимые, иллюзорные формы равенства между полами, провоцирует и закрепляет их «лже-бытие», все дальше уводя от подлинной, истинно-человеческой бытийственности, связанной с андрогинистической целостностью. В этом отношении, очевидно, прав был Н.А. Бердяев, когда настоятельно подчеркивал: «Женская эмансипация, конечно же, является симптомом *кризиса рода*, надлома в поле, и она лучше лицемерного принуждения в старой семье, но в ней нет человека и новой жизни, основы ее ветхи»[9].

Поэтапно разворачиваясь в пространстве культуры, постепенно набирая мощь и силу, все интенсивнее проникая во все сферы общественной жизни, процессы эмансипации и феминизации к настоящему времени достигли своего апогея. В полной мере отражая кардинальные перемены, происходящие с культурой в целом, которая все более входит в глубочайшее кризисное состояние, феминный фактор становится одной из первостепенных причин коренного преобразования характера гендерных отношений. Разрушая вековые, патриархальные устои, оказывая маскулинной доминации яростное сопротивление, эмансипированная энергетика женского пола все более втягивает культуру постмодерна в беспрецедентные ***гендерные коллизии***, последствия которых могут оказаться настолько драматичными, что может сбыться пророчество М. Фуко, ставшее уже символическим: «Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»[10].

Приведенное высказывание как нельзя лучше передает состояние обреченности человека в эпоху постмодерна, которая подвела его к некому роковому рубежу. В современной ситуации, когда происходит разрушение, своеобразная эрозия самих основ человеческого бытия, представленных бинарной оппозицией мужского и женского начал, грань между которыми под воздействием эмансипации нивелируется и стирается настолько, что можно вести речь о ста-

новлении принципиально нового *культурно-исторического типа гендерных отношений*. К заключению подобного рода подводит ряд непреложных обстоятельств, свидетельствующих об интенсивно происходящих под воздействием эмансипации гендерных изменениях, которые в настоящее время проявляются как процессы-тенденции.

Во-первых, одним из самых значительных, непреодолимых внутренних противоречий эмансипации, ее своеобразным «онтологическим роком», является идущий по нарастающей процесс ***гендерного перерождения женщины в мужчину***. Отвоевывая все больше прав и свобод, достигая положения, при котором, по оценке интеллектуалов XX века, «слабый пол никогда еще не пользовался таким уважением со стороны мужчины, как в наш век», женщина незаметно для себя перестает быть женщиной, теряет свою онтологическую определенность или «самость». Ревностное отношение к своей самодостаточности и стремление стать тем, что Ф. Ницше называл «женщиной самой по себе», неизбежно обернулось для женской бытийственности саморазрушением, т.е. отрицанием, преодолением в себе женственности и как следствие – превращение в свою противоположность – мужчину. «Женщина вырождается!» – провозгласил на заре века Ф. Ницше, наблюдая за надвигающимися переменами, вызванные эмансипацией. «Это происходит в наши дни – не будем обманывать себя на сей счет! Всюду, где только промышленный дух одержал победу... женщина стремится теперь к экономической и правовой самостоятельности приказчика: «женщина в роли приказчика» стоит у врат новообразующегося общества. И в то время как она, таким образом, завладеет новыми правами, стремится к «господству» и выставляет женский «прогресс» на своих знаменах и флажках, с ужасающей отчетливостью происходит обратное*: женщина идет назад*»[11].

О негативных последствиях, равнозначных в определенном смысле самоуничтожению женской бытийственности, завуалированных под противоборство женщины с мужчиной за полное социальное равенство, предупреждали многие именитые мыслители, которых предметно занимала проблематика пола. Так, О. Вейнингер одним из первых

стал рассуждать о психологической предрасположенности к эмансипации лишь определенной категории женщин, имеющих мужские характерологические черты и признаки. По его мнению, стремящаяся к эмансипации женщина, испытывающая жгучую потребность в раскрепощении, представляет собой особый психосексуальный тип с явно выраженными маскулинными наклонностями, который автор назвал «злой женственностью», поскольку в такой женщине скрыты неимоверные внутренние силы, способные разрушить и уничтожить женственность, что называется, изнутри. О. Вейнингер был убежден, что «у каждой женщины потребность и способность к эмансипации основана на имеющейся у нее части *М*». Посвятив изучению данного вопроса целую главу в своем сочинении «Пол и характер», автор пришел к заключению: «Понятие эмансипации очень растяжимо... Эмансипация, которую я имею в виду, не есть желание добиться одинакового положения с мужчиной; для нашей попытки осветить женский вопрос проблематичным является лишь желание *женщины внутренне сравняться с мужчиной*, достичь его духовной и нравственной свободы, его интересов, его творческой силы. Я здесь буду утверждать, что у *Ж* нет никакой потребности и сообразно с этим способности к такой эмансипации ... А что же касается эмансипированных женщин, то относительно них можно сказать следующее: только *мужчина, заключенный в них, хочет эмансипироваться*»[12].

Культура постмодерна, в рамках которой сложились наиболее благоприятные условия для самореализации женщины, буквально поставила женщину перед трагическим онтологическим выбором: «Быть или не быть». Глубина противоречий в системе современных гендерных отношений в первую очередь заключается в том, что эмансипация, избавляя женщину от социальной зависимости, и преодолевая ее подчиненно-зависимое от мужчины положение, вместе с тем лишает женщину женственности в социокультурном измерении, отчуждает ее от самое себя, т.е. освобождает от истинно женской бытийственности, названной многими известными мыслителями не иначе, как «Вечно-Женственностью». Вот почему тезис одного из лидеров современно-

го интеллектуального феминизма Симоны де Бовуар о том, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся», в ситуации постмодерна приобретает особый смысл. Если продолжить логику Ф. Энгельса, который, анализируя вопрос о положении женщины в греческом полисе, пришел к выводу, что женщине в Древней Греции, чтобы «стать подлинной женщиной, нужно было сначала сделаться гетерой»[13], можно утверждать, что в эпоху постмодерна женщиной стать еще труднее, поскольку, добившись независимости и самостоятельности, получив все права и свободы, современной женщине, чтобы сохранить и не утратить «подлинную» женственность, надо перестать быть «мужчиной». Эмансипация невольно втянула женщину в порочный круг – чем больше она отвоевывает у мужчины бытийного пространства, тем меньше в ней остается женственности. Женщина и не подозревает, что одерживает верх над мужчиной ценой собственного самоуничтожения – одолевая мужчину, женщина рискует окончательно утратить свою женственность. Иными словами, в онтологическом разрезе эмансипация освобождает не женщину, а мужское начало, дремлющее в ней. В этом отношении пророческим предупреждением звучат слова Ф. Ницше о том, что: «Много есть тупоумных друзей и развратителей женщин среди ученых ослов мужского пола, которые советуют женщине отделаться от женственности и подражать всем тем глупостям, какими болен европейский мужчина. ... Необходимо с добродетельной дерзостью сохранить скрытый в женщине совершенно иной идеал, нечто Вечно и Необходимо-Женственное»[14].

Во-вторых, отражая повышенную степень социальной активности женщин, решительно и все более настойчиво захватывающих пространства культуры, процесс эмансипации объективно детерминировал оформление уникального культурно-исторического явления – ***гендерной конвергенции***[15], которое представляет собой непрерывно идущее сближение мужских и женских полоролевых функций в системе гендерных отношений. В данном случае речь идет о том, что вследствие, постоянного возрастания доминирования феминного фактора, кардинально разрушившего традиционное «равновесие», характерное для патриархаль-

ных культур, неизбежно происходит процесс «движения полов навстречу друг другу», сближения между «мужчиной» и «женщиной» как двумя разнокачественными гендерными инстанциями. Гендерная конвергенция в полной мере отражает наметившуюся в ситуации постмодерна тенденцию размывания резких границ в структуре гендерной оппозиции, основанной на противостоянии между феминными и маскулинными полоролевыми поведенческими стереотипами.

При этом необходимо подчеркнуть, что с позиций онтологии пола, гендерная конвергенция представляет собой яркую иллюстрацию того, что можно назвать «деструктивным созиданием», которое отражает общую регрессивную диспозицию культуры постмодерна. Дело в том, что в своем глубинном, экзистенциальном основании гендерная конвергенция является лишь имитацией взаимопроникновения полов и в широких масштабах продуцирует уродливую, суррогатную форму «смешения полов», которая является лишь внешним подобием, искаженной копией истинно человеческой – андрогинистической целостности. Не имея ничего общего с идеей андрогинизма и уводя человека, будь то женщина или мужчина, все дальше от воплощения идеала «муже-девственной» полноты бытия, гендерная конвергенция, сближая мужчину и женщину в социокультурном, гендерном отношении, в онтологическом разрезе, напротив, все дальше отдаляет их друг от друга.

Напомним, что, обозначая онтологические перспективы дихотомии полов, представители разных философских направлений и школ сходятся во мнении относительно того, что будущность пола связана либо с обретением, либо с восстановлением вновь когда-то утраченной, андрогинистической целостности как подлинно человеческой бытийственности. Как известно, раньше всех из антиков к этому выводу подошел Платон, но во всей глубине и сокровенности идея андрогинизма предстает в сакрально-мистическом «срезе» христианского вероучения, которое вплотную приблизилось к осознанию, что «корень грехопадения человека связан с полом, и что греховной жизни человека, окованной природной необходимостью, предшествовало падение андрогина,

разделение мужского и женского, искажение образа и подобия Божьего, и рабское подчинение мужского и женского в природно-необходимом влечении»[16]. От акта распадения до восстановления андрогинистической целостности – таков тернистый путь, который должен пройти человек по преодолению своей половинчатости, к обретению идеального мужедевственного образа[17]. Так, напряженно всматриваясь в прошлое пола и приоткрывая завесу его будущего, Н.А. Бердяев, подвергая христианские откровения философским интерпретациям, в частности отмечал: «Во все времена по-разному чувствовалось и сознавалось, что вся сексуальная жизнь человека есть лишь мучительное и напряженное искание утраченного андрогинизма, воссоединения мужского и женского в целостное существо»[18]. И далее, указывая на любовь как единственно возможное средство обретения человеком самого себя во всей полноте истинной духовности, заключал: «Тайна и таинство истинной любви в том и состоит, чтобы взаимно помогать друг другу восстановить каждому в *себе андрогина*, как целостного и чистого человека, который не есть ни мужчина, ни женщина, т.е. не нечто половинчатое»[19].

Однако драматизм современной социокультурной ситуации в том и состоит, что, все глубже увязая в «онтологическом нигилизме», культура не приближается к воплощению идеала «чистого, целостного, не раздробленного, не частичного Человека», а, напротив, все дальше отдаляется от него. Набирающие темп и динамику негативные тенденции, ведущие к саморазрушению культуры, настолько неблагоприятны для сохранения «человеческого в человеке», что атмосфера антропологического тупика, в котором оказалась культура постмодерна, может быть выражена парафразом известного афоризма Ф. Ницше – «Человек умер!». При этом необходимо подчеркнуть, что ситуация, при которой происходит процесс «умирания Человека» во многом усугубляется вырвавшемся, как из долгого заточения на волю, феминным фактором, социально освобожденным и полностью раскрепощенным от оков патриархальной зависимости в ходе эмансипации.

Принимая во внимание данное обстоятельство, которое имеет существенное значение для понимания внутрен-

них причин стремления женщин приблизиться в полоролевом отношении к мужчине, не будет заблуждением утверждать, что процесс гендерной конвергенции не приводит к подлинному взаимопроникновению мужской и женской бытийности, а подменяет андрогинистическое слияние полов лишь иллюзией соединения, при котором эмансипированная женщина стремится не к духовно-телесному единению с мужчиной, а предпочитает восполнить, «достроить» себя мужским началом, имеющимся в ней самой. В этом отношении справедлива онтологическая оценка процесса эмансипации, данная в свое время Н.А. Бердяевым, который, указывая на противоречивый характер желания женщины быть во всем равной мужчине, писал: «Женское эмансипационное движение по существу своему – карикатурно, обезьянно-подражательно, в нем есть гермафродитическое уродство и нет красоты андрогинистической. Идея женской эмансипации доныне покоилась на глубокой вражде полов, на зависти и на подражательности... Женщина, механическим подражанием, из зависти и вражды, присваивает себе мужские свойства и делается духовным и физическим гермафродитом, т.е. карикатурой»[20].

Таким образом, анализ некоторых, на наш взгляд, наиболее значимых перемен, которые переживает культура в нынешнем своем состоянии, позволяет с уверенностью заключить, что процесс эмансипации активизировал природно-родовую стихию женского пола в такой решающей степени, что женщина стала не только равноправным и равноценным с мужчиной социальным субъектом истории, но и постепенно превращается в доминирующую историческую силу.

Выход женщины на авансцену истории в качестве одного из главных действующих лиц ознаменовал собой без преувеличения эпохальные преобразования, которые настолько беспрецедентны и не укладываются в рамки привычных, устоявшихся представлений, что могут быть отнесены к разряду культурно-исторических, гендерных коллизий. Глубокие преобразования, произошедшие за последние десятилетия в характере взаимоотношений между полами, качественная реструктуризация всей системы гендерных

отношений, а также принципиальное изменение мужских и женских полоролевых поведенческих стереотипов. Эти изменения являются наглядными свидетельствами приближения окончательного завершения безраздельного исторического господства мужчины над женщиной.

Однако, при всех позитивных сдвигах, которые произошли по мере разрушения приоритетного положения мужчины в бинарной оппозиции полов, сложившегося в условиях патриархального общества, неуклонное усиление лидерства феминного фактора может иметь для дальнейшего развития культуры непредсказуемые последствия. Происходящие под влиянием эмансипации процессы гендерной конвергенции и радикальная пермутация гендерного «текста» культуры, в результате которых полоролевые, гендерные различия между мужчиной и женщиной все более становятся эфемерными и превращаются по большому счету в фикцию, можно расценивать в качестве важнейших симптомов набирающих силу деструктивных тенденций, предопределяющих крушение основ патриархальной культуры, перерождение ее в совершенно новое, ***неоматриархальное*** состояние.

При этом важно подчеркнуть, что разговор о «неоматриархате», как о перспективной стратегии в эволюции гендерных отношений, ни в коем случае недопустимо низводить до надуманных фантазий о возвращении из архаического прошлого «золотого века», в котором женщина главенствовала над мужчиной, и подвергать обозначившуюся тенденцию доминации феминного фактора в пространстве постмодернистской культуры, исторической идеализации. Напротив, приближение неоматриархатного периода создает неоднозначную ситуацию в культуре, которая отнюдь не столь романтична и идеальна, как это некоторым представляется. Имеются самые веские основания предположить, что неоматриархат – это последняя, завершающая стадия, своеобразный финал «дотлевающей» и «доживающей свой век» западной культуры. Это – «закат», «смерть», «крах» *Культуры*, ее заключительный аккорд, преддверье того состояния, которое О. Шпенглер обозначил «цивилизацией». Парадоксальность ситуации заключается в том, что, если на

заре истории женская природно-родовая стихия выступила своеобразным «первотолчком» зарождения культуры, а в последующем вдохновляла и побуждала мужчину к творению и созиданию культуры, то в ситуации постмодерна феминный фактор стал оказывать сильнейшее воздействие на разрушение и самоуничтожение культуры.

У столь неутешительного, пессимистического по сути прогноза относительно будущности культуры, помимо конкретно-исторических предпосылок, имеются основания сугубо онтологического характера. С точки зрения классической диалектической методологии, в наиболее полном и завершенном виде разработанной Гегелем, неоматриархальное состояние культуры вполне вписывается в общую логику универсальной триады и предстает как завершающий, итоговый фазис «синтезиса» трехступенчатого цикла попеременной смены исторического лидерства в положении полов. С диалектических позиций неоматриархат правомерно рассматривать не только как «отрицание», «снятие» патриархата, но и как «якобы возврат» к начальному, исходному матриархальному состоянию, «повторение» на качественно новом витке развития того периода древнейшей истории, с которого, по сути, началось зарождение культуры. Однако необходимо иметь в виду, что в онтологической проекции неоматриархат представляет собой мнимую, обманчивую форму «якобы возвращения» главенствующего первенства женщин. Исторического реванша «за поражение в прошлом» в противостоянии между мужчиной и женщиной в онтологическом смысле ожидать не приходится. Неоматриархат – это фантом, иллюзия победы, поскольку в ходе эмансипации в пространствах современной культуры возобладала тенденция приоритета «женщины» над «мужчиной», но отнюдь не доминация *женского начала над мужским*. Несмотря на то, что вследствие эмансипации «глубоко спрятанное в потаенных уголках женской души» мужское начало все-таки вырвалось наружу, а социально освобожденная и во всех отношениях полностью раскрепощенная женщина все активнее присваивает и персонифицирует маскулинные полоролевые характеристики, тем не менее женщина не становится продуцирующей, созидательной силой, и не

превращается в равного с мужчиной и равноценного с ним субъекта творческой деятельности, опредмеченной формой которой культура и является.

Суровая, но в целом справедливая оценка относительно культурно-исторической «бесплодности» эмансипированного феминного фактора, лидерство которого не только деформирует, уродует, но и разрушает, подтачивает основы культуры, имеет под собой глубокие метафизические основания. В онтологическом смысле женщина предстает не только как «дающая и рождающая жизнь», но и как «всепоглощающая мировая деструкция». Она не в состоянии заместить собой мужчину, который воплощает в себе «антропологический, личностный принцип», лежащий в основании созидательной человеческой деятельности. В этом отношении рассуждения Н.А. Бердяева о том, что «мужское начало есть по преимуществу начало творящее, женское же начало есть по преимуществу начало рождающее» и что «женщина вдохновляет мужчину к творчеству, но вне связи с мужчиной женщина не была бы *вполне человеком*, поскольку в ней слишком сильна темная, природная стихия, безличная и бессознательная»[21], проникают в самую сердцевину понимания существа проблемы о вселенско-космической, онтологической различенности полов. Иными словами, «рождающая», но не преобразующая природно-родовая стихия женского пола, оттесняя на периферийные позиции мужскую «творящую» силу, таит в себе трагические опасности, чреватые завершением бытия культуры, которая в существе своем является средоточием энергии пола, или, образно говоря, «счастливой жертвой Эроса». Спровоцированный эмансипацией, переход культуры постмодерна во все нарастающем темпе на качественно новый вираж, означает завершение целой эпохи во всемирной истории и отворяет наступление неоматриархального цивилизационного фазиса, в котором гендерные оппозиции приобретают столь оригинальный и непривычный вид, что стремительно приближают к трагической развязке онтологическую завершенность пола, ставя под сомнение сохранение Человека в его дихотомической различенности на «мужчину» и «женщину».

Примечания

[1] Постмодерн – понятие, которое прочно закрепилось в научном лексиконе для обозначения эпохи «постсовременности» и определения ситуации, сложившейся в постклассической культуре под влиянием многообразных процессов, происходящих в XX веке. В научной литературе до сих пор нет единого мнения ни о времени появления термина «постмодерн», ни о его содержательно-теоретическом контексте. Уже в 70-е годы прошлого века термин «постмодерн», во многом благодаря введенному Ж.Ф. Лиотаром понятию «постмодернистского состояния», выходит за рамки локальных философских и культурологических теорий и получает широкое распространение при исследовании проблем социума и культуры. За последние 20 лет понятие «постмодернизм» все чаще используется для обозначения современного фазиса западной культуры.

[2] Суфражизм (от анг. suffrage – избирательное право) – движение за предоставление женщинам равных с мужчинами избирательных прав, развернувшееся во второй половине XIX в. в странах Западной Европы и США.

[3] Действительно, положение женщины в современном мире изменилось столь разительно, что такие реальные исторические эпизоды, как Македонский Собор 585 года, на котором в перевес только в один голос был принят вердикт: «Женщина тоже – человек», или, печально известный своим мракобесием «Молот ведьм» (1487 г.), составленный явными мезогинами Я. Шпренглером и Г. Институрисом, который определил идеологию репрессивного отношения к женщинам со стороны Инквизиции, в настоящее время воспринимаются как исторические казусы.

[4] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 189.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 212 – 213.

[7] Там же. С. 189.

[8] Думается, что одним из малоизученных, но перспективных направлений исследования может стать рассмотрение энергетийного фона культуры, который создается постепенным и длительным накоплением духовных сил огромного числа людей, что, в конечном итоге, создает определенную атмосферу эпохи, задает тонус ее внутреннего состояния. В свое время, размышляя на тему причин такого значительного культурного явления, как Ренессанс, в котором личность развернулась так ярко, во всей мощи своего таланта, что прославило Возрождение как «эпоху титанов», Н.А. Бердяев пришел к выводу, что важнейшей предпосылкой такого многостороннего проявления дарований стало многовековое собирание творческих сил. «Я думаю, – писал автор, – что выковывание и укрепление человеческой личности совершилось в период истории, который долгое время считался для личности неблагоприятным, – в период средневековья. Средневековье, в период расцвета, укреплялось и дисциплини-

ровалось двояким путем – в монашестве и рыцарстве. ... Духовные силы человека были подобраны и сосредоточены. Если бы человек не прошел аскетической школы воздержания от растраты сил, то он не вошел бы в новую историю полным творческой мощи и дерзновения. Вся христианская аскетика имела значение такой концентрации духовных сил человека и недопущения их растраты» (см.: *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 94).

[9] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. С. 199.

[10] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. С. 404.

[11] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. В 2-х тт. М., 1990. С. 356.

[12] *Вайнингер О.* Пол и характер. М., 1992. С. 68.

[13] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 67.

[14] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. С. 358.

[15] В гуманитарные науки понятие «конвергенция» (лат. – приближение, схождение). пришло из биологии. Оно было заимствовано в 60-е годы создателями «теории конвергенции» Дж. Гелбрейтом, П. Сорокиным (США) и Я. Тинбергом (Нидерланды), Р. Ароном (Франция), Дж. Стрейчи (Великобритания) и др., которые полагали, что экономические, политические и идеологические различия между двумя мировыми системами – капитализмом и социализмом – постепенно сглаживаются, что приведет в конечном итоге к их слиянию.

[16] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. С. 184.

[17] Обращая внимание на присутствие идеи андрогинизма в христианской доктрине, А. Шопенгауэр приводит следующую выдержку из Климента Александрийского: «Когда Саломея спросила: «Доколе будет властвовать смерть?», Господь ответил ей: «Доколе вы, женщины будете рожать» (т.е. пока будут в силе вожделения) – прибавляет в гл. 9 Климент, вслед затем цитируя знаменитые слова Кассиана: «На вопрос Саломеи, когда износите одеяние стыда и, *когда двое сделается одно, и мужчина с женщиной не будут мужское и женское*»», – т.е. когда вам не нужен будет покров стыдливости, так как исчезнет всякое половое различие» (см.: *Шопенгауэр А.* Избранное. М., 1992. С. 164).

[18] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. С. 184.

[19] См. там же. С. 209.

[20] См. там же. С. 199.

[21] См. там же. С.183.